

От редакции: К прискорбию, год назад покинул сей мир Валерий Чевелёв, талантливый художник, истинно русский, искренно православный, и по натуре милосердный, братолюбивый, хлебосольный, правдолюбивый. Искусствоведы и критики высоко оценивали художника-монументалиста и живописца Валерия Чевелёва; писали, что мастер ищет и находит новые колористические решения, вызывающие ассоциации с палитрой древнерусской фрески, что художник по-особому внутренне драматургичен, что воспринимает натуру не созерцательно, а, скорее, даже мистически. Так писали искусствоведы и критики, а ныне журнал «Сибирь» печатает статью дочери художника Натальи Троценко (Чевелёвой), коя, опять же к прискорбию, вскоре тоже предала Богу душу. «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих Валерия и Наталии, и всех православных христиан, и прости им вся согрешения вольная и невольная, и даруй им Царствие Небесное»

* * *

На снимке Наталья Троценко (Чевелёва)

И вот я снова на пороге мастерской — в этом пространстве, заросшем книгами, холстами и пылью, но столь по-своему уютном и любимом мною с детства... Меня встречает Кис Кисыч Котейкин своим кошачьим пронзительным «мяу», что означает: папа давно уже за работой у холста и не обращает на кота никакого внимания.

Подхожу к мольберту, чтобы обнять отца и удовлетворить своё любопытство: над чем сегодня идёт работа? Ба! Да это же Пушкин. Что сподвигло?

— У меня своё отношение к поэту, — говорит папа. — Среди всех он, пожалуй, на первом месте. Помнишь: «На свете счастья нет, но есть покой и воля...»?

— Конечно, помню! А почему именно эти строки всплыли в твоём сознании?

— Дело в том, что счастье — эфемерная вещь, которая сваливается на тебя и так же непредсказуемо уходит, а к воле человек всегда стремится. Это как бы переход в другое состояние.

— А кто на втором? — с лёгкой иронией спрашиваю я, — Лермонтов? — Портрет стоит неподалёку на полу и ещё не дописан.

На снимке художник Валерий Чевелёв

В моём отце меня всегда удивляла начитанность и глубина познаний в литературе, музыке, истории, но и, разумеется, живописи. С таким багажом знаний и анализа их, на мой взгляд, он мог бы достигнуть каких-то высот, званий и т. п. Но отличительной чертой его является не то чтобы скромность, а, как бы это сказать, — невыпячивание, что ли. И ещё одна черта характера — кто-то бы назвал её «лень» (да он и сам порой ассоциирует себя с Обломовым). Но в действительности это желание перезагрузиться, и оно проявляется только после изнурительной «пахоты» над новой картиной. Тогда он залегает на диван с книгой и отключается от всего и вся. И сам нередко над собой подшучивает: «Такая гениальная голова такому дураку досталась». Папа считает, что его работы и отношение к людям и миру сами говорят за себя (и за него), что не требует титулов.

Отношение — вот ключевое слово всех работ Чевелёва. Внутреннее принятие, участие и переживание, будь то человек, природа или аппетитная селёдка, глядящая на тебя с холста.

Я не очень люблю портреты, потому что не всегда наблюдаю физическое сходство с оригиналом. Хотя и понимаю, что в большей степени на передний план тут выходит внутреннее восприятие художника, он так видит человека, а тебе не всегда это кажется истинным. Но, рассматривая портрет поэта Василия Козлова, я прямо чувствую на себе его пронзительный цепкий взгляд и ощущаю, что свежим зимним днём он ведёт беседу именно со мной, а рядом отмеряют ход времени часы. Поразительно, как папе удаётся погрузить тебя в атмосферу каждого холста. Начинаешь чувствовать звук, запах и дыхание той картины, в которую проникаешь. У отца живопись очень поэтична, но и его поэзия пронизана живыми образами и музыкой:

*Голубые купола
Беленьких церквушек,
Неба синего тона
Отразились в лужах.*

*Бабки к паперти идут,
Бьют поклоны низкие.
В храмах ангелы поют
Голосами чистыми.*

Известный искусствовед и старинный друг папы Тамара Драница грозилась собрать все его стихи в единый сборник. Но, видно, опять подкачал папин характер: истинный художник должен писать картины, а не издавать стихи и не петь на сцене, даже если это у него неплохо получается. Хотя он и не профессиональный поэт, но его творческая натура так же талантливо проявляется во многом, даже в

приготовлении еды. Он сам признаётся, что любит поесть, и всегда готовит даже самые обычные блюда по-своему. Например, в жареную картошку добавит семена зиры — и она начинает «звучать» по-новому. Но равных ему нет в приготовлении мяса. А солянка и вовсе его фирменное блюдо, которое он готовит каждый год уже по традиции — на свой день рождения. Некоторые шутят, что если не будет солянки, то не будет и их за столом. Но, разумеется, все, кто любит и уважает отца, приходят, разговаривают, дарят необычные подарки, с аппетитом едят и так же аппетитно рассказывают смешные истории из жизни. Хоть окружение отца очень разнопланово (писатели, художники, музыканты, учёные и даже военные), но, на мой взгляд, братья-художники по неординарности поведения могут утереть нос многим.

Однажды зимой (это был юбилейный год Гоголя) отец забрёл в мастерскую к Александру Муравьёву, известному иркутскому художнику и другу детства. Тихон Муравьёв (сын Александра, тоже художник), Александр и папа задумались, чем они смогут отметить этот год любимого писателя. В то время отец носил достаточно длинную шевелюру почти до плеч, и все привыкли к его «образу льва». И у трёх художников не нашлось больше фантазии, чем подстричь папу под запорожского казака, оставив на голове только оселедец. После чего отец ходил по улицам, важно снимая шапку в поклоне перед прохожими, и поздравлял с годом Гоголя, чем их или пугал, или радовал. В Союзе художников, где он одно время председательствовал, просто довёл работников до истерического хохота. Гоголю бы понравилось!

А вот ещё одна история. Как-то раз его друг Николай Башарин, большой художник, а был он роста невысокого, кругленький и очень обаятельный, привёз из Средней Азии халат. Халат выглядел богато, подарили его в Самарканде, и он очень радовал своего хозяина. Папа и Николай мирно беседовали в мастерской Башарина, когда тот неожиданно вскочил, надел халат и сказал отцу: «Пойдём на рынок!». Папа удивился и засомневался: «Что, прямо так в халате и пойдёшь?» — мысленно приготовившись защищать друга. «Да, так и пойду!». Ну ладно, что делать? Собрались, пошли... На рынке, к большому удивлению отца, Башарина не только не побили, но приняли за своего! Самое лучшее, сочное, свежее очутилось у них в сумке! А отец, пытаясь сохранить непроницаемое лицо, следовал за своим другом по пятам, как русский богатырь-телохранитель. Как же они потом смеялись! Вечер удался! И таких историй можно рассказать, наверное, миллион!

Но есть и другая сторона веселья... То ли от невозможности выразить себя до конца, то ли от того, что не всегда востребован и понят, отец, бывает, пытается уйти от реальности, забыться — тогда он начинает продолжительно экспериментировать с «зелёным змием», и прекратить эти эксперименты может только он сам, уговоры близких и мольбы бессильны. Именно тогда его веселье оборачивается щемящим одиночеством. Ещё в молодости он написал картину «Бездомная собака» — говорит, что про себя.

*Туман, разрезанный собачьим бегом,
Уже стекает каплями с листвы,
И гул собачьих лап при беге,
И шерсть шуршит в разбуженной траве.
Успокоенья нет, и нет отдохновенья
В природе, созданной, как будто для мечты.
И в нас самих глубокое сомненье
Перед приходом холода и дерзости зимы.*

Самое интересное: даже когда он изрядно выпивший, то на каком-то параллельном сознании всё равно продолжает размышлять над будущей задумкой. Как-то раз папу спросили, глядя на его многочисленные незавершённые эскизы и рисунки, не хочется ли ему вернуться и закончить их, он ответил: «Хотелось бы, но мне намного интересней делать что-то новое!».

Хоть мои родители расстались, и основную роль в моём воспитании играла мама, но наше общение с папой не прерывалось. Помню, как-то отец встретил меня из музыкальной школы. Мы шли через рощу, вдыхая пряный аромат осенней земли и радуясь каждому хрусткому шагу, пройденному по ковру из сухой листвы. Разговаривали о композиторах, поэзии, о жизни — обо всём, шутили, смеялись, сочиняли маленькие стишки-экспромты (Кот усатый-полосатый ходит-бродит, страх наводит на мышей и на чижей!) и чувствовали единство душ. Он никогда не был идеальным — в моём понимании — отцом, мужем, да и дедом, но эти разговоры тогда, в детстве, да и теперь, помогают мне ощутить и реализовать мой творческий потенциал, насыщают меня, наполняют. Выстраивают, как кирпичики, фундамент моей личности.

Я люблю своего отца, но не только как родителя, но и как настоящего художника. Однажды была на выставке именитого живописца. Но, уже глядя на третью картину, начала ощущать скуку, и мне захотелось уйти. А в папе меня удивляет, как его детское, свежее восприятие мира парадоксально сочетается с мудростью старика, и ещё удивляет потрясающее разнообразие его работ. Сам себя он называет упрямым реалистом. А я бы добавила, что реалист он с натурой романтика. Папа пишет маслом, акварелью, карандашом, сангиной, углем, использует монотипию. Его живопись и графику невозможно «переесть», но можно ими наполниться. Он всегда нов и интересен. Хочется рассматривать картины на близком и далёком расстояниях, возвращаться и снова разгадывать код иносказания.

Необузданная творческая энергия отразилась и в монументальных работах Валерия Чевелёва — в резьбе по дереву, росписи, декоративных рельефах. Мы до сих пор можем любоваться рельефом с мозаикой на Институте земной коры, рельефом с мозаикой, которую папа выполнял в соавторстве с А. Приёмшевым и А. Тирских, в Зимнем саду Дворца творчества детей и молодёжи. К сожалению, его витражи не пережили времена перестройки, как не сохранилось и берестяное панно в Доме быта. А есть и то, что осталось только в эскизах, но не нашло финансовой поддержки.

Отец редко доволен своими работами, но всё же любимчики у него есть — например, картина «В сумерках по Таюре». Папа бывал в разных странах и городах, но с особым теплом вспоминает свои приключения в тайге рядом с рекой Таюрой. И то, как папа и его друг Анатолий Перегудов, художник и егерь в одном лице, сплавились по реке и жили в зимовье, заслуживает написания отдельной книги. Тогда отец привёз потрясающего состояния и красоты этюды, и мне кажется, он чуть-чуть слукавил, говоря о любви только к этой картине.

Отец участвовал в различных городских, областных, зональных, всероссийских, республиканских и зарубежных выставках (Болгария, Финляндия, Франция, Германия). В своё время к 350-летию г. Иркутска был реализован проект С.И. Дубровина «350 лиц Иркутска» под руководством редакционной коллегии С. Ерощенко, В. Ежова, А. Иванова, выполненный в графике, где папа, Сер-

гей Элоян, Александр Муравьёв и Тихон Муравьёв, каждый по-своему, отобразили тех людей, на которых можно равняться. Каждый автор был представлен 20 графическими листами. Всё это оформилось в одноимённый альбом. А сами работы были подарены Иркутскому историческому краеведческому музею.

Папины работы находятся в Национальной галерее Болгарии, в Иркутском музее им. Сукачёва, в частных коллекциях г. Иркутска у В. Бронштейна, Д. Баймышева и других. А также в частных коллекциях Франции, Германии, Южной Кореи, Китая, Монголии, Канады, Болгарии.

Вся его жизнь — это его творчество, а творчество — его воздух. Как-то раз, прижав меня к своему сердцу, он сказал: «Я преклоняюсь перед Богом за то, что он дал мне возможность прикоснуться к чему-то великому». А я благодарна Богу за то, что у меня такой отец!